

К научному портрету Д. А. Мачинского
*«...живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистоцим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*
М. Волошин «Дом поэта»

Сборник, который читатель держит в руках, собран к 55-летнему юбилею Дмитрия Алексеевича Мачинского. Те, кто хорошо знают этого человека, нисколько не удивятся такой форме чествования нашего коллеги, друга и учителя. Для других же следует кратко объяснить, почему на сборнике статей с аббревиатурой С. С. С. Р. (Скифы. Сарматы. Славяне. Русь) появилось именно это посвящение.

Д. А. Мачинский принадлежит к тому редкому типу ученых, для которых внешняя, формальная, послужная сторона научной деятельности была и остается глубоко безразличной, если не сказать чуждой. В свои 56 лет он не имеет официальных званий и не занимает научно-административных постов, но многие научные идеи, обогатившие отечественную археологию, неразрывно связаны с его именем. Талантливый ученый (во многом поэтически-одухотворенно относящийся к процессу научного творчества), великолепный мастер слова (чьи лекции и выступления всегда являются событием в культурной жизни Санкт-Петербурга), замечательный литературовед, тонкий ценитель русской поэзии, культуролог, Д. А. Мачинский своей личностью и активной деятельностью представляет очень яркий и редкий тип современного русского интеллектуала.

Многое, очень многое связывает Д. А. Мачинского с традициями русской культуры начала XX века, и эта связь человека «железного века» с «веком серебряным» делает его их проводником в нашу современную жизнь. Д. А. Мачинский обладает редкой способностью гармонично воспринимать и по достоинству оценивать разнородные традиции, какими бы контрапунктами

музыка революций не усложняла полифонию отечественной истории. Этим умением, пожалуй, и объясняется редкое для нашего времени стремление ученого постичь прошлое России во всей совокупности хитросплетений отдельных периодов ее истории. В последние годы он много работает над развитием своего концептуального взгляда на прошлое нашей страны. Всем, кто был в марте 1989 года на чествовании памяти академика М. И. Ростовцева, несомненно, памятен большой доклад, в котором Д. А. Мачинский с большим одухотворением излагал свою версию развития исторических событий в Скифии-России с VIII в. до Р. Хр. по XI в. Хр. э. (Мачинский 1989в; Вахтина, Виноградов, Зуев 1991: 292). Еще дальше он идет в своих лекциях по истории культуры (см., например, тему его лекции: Мачинский 1990). Если попытаться с точки зрения поэзии определить сферу его исследовательских интересов о Скифии и России как едином евразийском культурном пространстве, то надо будет сказать, что Д. А. Мачинский занимается культурной историей от Гомера (и его загадочных млекоедов-абиев) до А. Блока (и его не менее загадочных «Скифов»). В этом отношении к отечественной истории он опирается на богатую идеями русскую научную традицию. Многие его разработки перекликаются с идеями Н. Я. Данилевского, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова и М. И. Ростовцева. Д. А. Мачинскому, как историку, близки также многие идеи русских евразийцев. И если позволительно здесь вспомнить одну из них — о том, что в своем реальном географическом соотношении Россия являет собой антитезу Евразии — Азиопу, то Д. А. Мачинского можно по праву назвать одним из талантливых российских азиоповедов.

Знакомясь с работами Д. А. Мачинского, невольно приходишь к мысли, что он задался целью пронзить временное пространство, что вся его научно-исследовательская деятельность есть некий путь из Скифии в Россию, по которому он следует от далекого прошлого к современности. Этот непростой для ученого путь даже схематично трудно представить как столбовую дорогу. Движение по нему путник совершает поступательно, часто

возвращаясь назад к дорогим ему темам и мотивам. Говоря, о наиболее характерных чертах научного творчества Д. А. Мачинского следует подчеркнуть, что для него как археолога и историка присуще прежде всего повышенное внимание к переломным «темным» местам древней и средневековой истории. В этом отношении далеко не случайно, что свой творческий путь в науке Д. А. Мачинский начал с изучения одной из наиболее проблематичных эпох — историческому переходу от времени поздней античности ко времени утверждения в Восточной Европе раннего славянства. Причем эта эпоха для Д. А. Мачинского стала отправной не только в изучении археологии и истории славян и Руси, но и в изучении скифо-сарматского мира, мира кочевой культуры, импульсы которой (подчас напрямую сопоставимые с импульсами кровеносных потоков) омывали социальные организмы севера и юга древней Евразии.

В 1971 г. вышла в свет статья Д. А. Мачинского «О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников» (Мачинский 1971). В ней, пожалуй, впервые проявился большой талант Д. А. Мачинского как вдумчивого и последовательного источниковеда. Принципиально отказавшись от метода тривиального взаимного иллюстрирования данных археологии и литературной традиции, Д. А. Мачинский детально проанализировал только античные источники, сообщающие разрозненные сведения о сарматах. Эта работа оказала большое влияние на развитие сарматской археологии. Одним из результатов ее появления стал пересмотр до этого казавшейся незыблемой гипотезы об автохтонном развитии единой савромато-сарматской культуры на восточной окраине Европейской Скифии начиная с рубежа эпохи бронзы и раннего железа. Справедливо поставив под сомнение идеи торжества и генетической преемственности савроматов и сарматов, Д. А. Мачинский блестяще показал всю несостоятельность попыток распространять имя и территориальное пространство обитания савроматов на памятники кочевников Приуралья и Поволжья VII—V вв. до Р. Хр. (Граков 1947;

Смирнов 1964). В 1975 г. под влиянием этой работы Д. А. Мачинского К. Ф. Смирнов пересмотрел свои прежние взгляды, предложив оставить название «савроматская культура» в сугубо археологическом, номенклатурном, значении этих слов (Смирнов 1975; 153). Последующие исследования, прежде всего М. А. Очир-Горяевой, убедительно доказали, что единая савромато-сарматская культура Приуралья-Поволжья есть не более чем историографический миф (Очир-Горяева 1988; Очир-Горяева 1989; Очир-Горяева 1992; 32—40).

Не меньшее значение выводы Д. А. Мачинского имели и для скифской археологии. Выясняя судьбу степной группы памятников V—VI вв. до Р. Хр. он один из первых связал факт прекращения сооружения «царских» курганов (находкам из которых Д. А. Мачинский посвятил цикл блестящих исследований по семиотике греко-скифского искусства — Мачинский 1973б: 25—26; Мачинский 1978а; Мачинский 1978б) с вторжением новых кочевых сарматских орд в Поднепровье на рубеже IV—III вв. до Р. Хр. Последующие исследования археологических материалов И. В. Брагинским, К. К. Марченко, Ю. А. Виноградовым, А. Н. Щегловым и А. Ю. Алексеевым с некоторыми коррективами подтвердил этот важный исторический вывод Д. А. Мачинского.

Ликвидация савроматской «пробки» на этногеографической карте Евразийского степного коридора, которая долгое время служила «естественной» восточной границей Скифии в концепциях сторонников автохтонной теории формирования скифской культуры в Северном Причерноморье, выдвинуло на повестку дня вопрос о культурно-историческом единстве европейских и азиатских степей в скифское время и о процессах, которые помогли появлению этого феномена. Обсуждению данной проблемы во многом способствовали исследования Л. А. Ельницкого (1977) и А. И. Тереножкина (1976), а также открытие М. П. Грязновым в Туве кургана Аржан (1980).

Один из наиболее детально разработанных Д. А. Мачинским аспектов проблемы культурно-исторического единства Евразии в скифскую эпоху является тема историко-географического членения Евразийского пространства. Опираясь на античную традицию и выделяя 4 географические зоны в Евразии: Греко-Кельтику (Европу), Персо-Индию (Азию), Азиатскую и Европейскую Скифии-Сарматии — Д. А. Мачинский в концептуальном плане по своему решил очень важную для историософского сознания проблему множественной колеблющейся ориентации нашей страны (как исторического явления) либо на «запад», либо на «восток», либо туда и сюда одновременно. Наряду с дилеммой — «быть Европой или Азией» — пишет он — и компромиссным решением «быть тем и другим» (т. е. чем-то связующим или промежуточным), — закономерным представляется и четвертый вариант осмысления своего исторического пути: быть «самой собой» — Скифией, Сарматией или Россией — отдельным субконтинентом, население которого развивает своеобразные формы социальности, которые непросто осмыслить в системах европейских или азиатских понятий» (Мачинский 1988б: 121). Четкие представления о неразрывной связи культурных явлений с географическими факторами постепенно привели Д. А. Мачинского к пониманию общих закономерностей исторических процессов, протекавших в Евразийских степях с скифо-сарматскую эпоху. Размышляя над явлением культурного взаимодействия скифов, греков и жителей лесостепной и лесной зоны, он пришел к выводу о том, что в рамках выделенного им пространства — Европейской Скифии (от Дуная до Дона и от Черного до Балтийских морей) — исторические процессы (не только в скифскую эпоху!) «характеризуются сменяющимися периодами, когда эта область (или наиболее развитая ее часть) то становилась в культурно-политическом отношении более «европейской», то вновь обретала свою «скифскую» самобытность (Мачинский 1988б: 120).

По мнению Д. А. Мачинского начальный момент этой периодичной пульсации (продолжающейся вплоть до наших дней!) скрывается в скифское

эпохе — своего рода точке отсчета Российской истории. Подчеркивая уникальность и своеобразие скифской эпохи в истории Скифии-России, Д. А. Мачинский пишет о ней следующее: «Занятие древней историей и археологией Евразии уже давно убедили меня в том, что население европейских лесостепей, степей и полупустынь... в «скифское» время (VIII—IX вв. до Р. Хр.) по степени своей включенности в мировые культурно-политические процессы по ряду качественно-количественных показателей своей культуры, по образной насыщенности, напряженности и совершенству произведений религиозно-магического искусства резко превосходит население этой же зоны в предшествующее, и, что особенно важно и удивительно, в последующее время. Нельзя... не отметить, что расцвет «скифской» культуры хронологически совпадает с «эллинским чудом», и с «эпохой пророков» в Палестине, с рядом глубочайших духовных откровений в Иране, Индии и Китае» (Мачинский 1989с: 7). Уточняя теорию «осевого времени» К. Ясперса, Д. А. Мачинский в своих последних работах убедительно доказывает, что если исходить «не из истории “зоны городских цивилизаций”, а из материала лежащей севернее “зоны кочевого хозяйства”... оказывается, что “этно-сакрально-социальное напряжение” резко возрастает в это время не только в зоне древних городских цивилизаций, но и в более северных зонах, заселенных “первобытными” этносами». Это наблюдение позволило Д. А. Мачинскому назвать начальную (скифскую) эпоху истории нашей страны временем «великих духовных откровений и этно-социально-экономических новаций» или «эпохой великих пророков и общественных новаций», отметив при этом, что «глубинные причины великих перемен лежат не в закономерности развития цивилизаций и классовых обществ, а имеют более всеобщий характер» (Мачинский 1989а: 9, 15).

Определив подобным образом скифскую эпоху, Д. А. Мачинский много сделал для прояснения основного закона степной Евразийской Скифии: неуклонного движения кочевых орд с востока на запад, выраженного в постоянной пульсации «азиатского источника» миграций периодически

сменяющихся волн кочевников — от скифов до татаро-монголов, объясняемого не только военными преобладанием восточных номадов над западными степняками, но и теми условиями, в которых оказывались кочевники в Европейской Скифии, окруженные разнородными (и в целом враждебно настроенными к кочевникам) культурными провинциями горных областей Кавказа и Прикарпатья, лесостепной зоны и побережья Черного моря. Для удержания ситуации кочевникам в Северном Причерноморье требовалось много сил, и когда в созданной ими системе политического господства появлялись определенные конкретной ситуацией сбои, рушилась вся система, а вместе с ней почти мгновенно рассеивался и создававший эту систему этнос.

Занимаясь в рамках скифской эпохи различными аспектами культуры народов Евразии VIII—IV вв. до Р. Хр., Д. А. Мачинский находит в себе силы не замыкаться только в этом кругу проблем. Подразделяя историю Скифии-России на целый ряд периодов, он стремится проследить за культурными процессами, уходящими в перспективу «от эпохи великих духовных откровений и этно-социо-экономических новаций (VIII—V вв. до Р. Хр.), охвативших всю Евразию, до окончательного сложения европейской христианской феодализирующейся культурно-политической общности (XI в.)» (Мачинский 1989б: 6). На этом пути вполне закономерно является причастность Д. А. Мачинского к решению ряда проблем совершенно другого уровня, относящегося к кругу вопросов славянского этногенеза.

Как уже отмечалось выше, свою научную деятельность Д. А. Мачинский начинал с изучения эпохи перехода от поздней античности к раннему средневековью — с работы над зарубинецкой тематикой. Этому был посвящен его университетский диплом, на эту тему готовилась диссертация, к сожалению, по ряду обстоятельств так и не завершенная.

Впервые, параллельно с Ю. В. Кухаренко (1960), но независимо от него и своим путем Д. А. Мачинский вышел на поморскую версию происхождения зарубинецкой культуры (Мачинский 1966б). Впервые им был поставлен

вопрос о единстве и взаимосвязанности процессов, приведших к сложению зарубинецкой, поянешты-лукашевской и пшеворской культур (Мачинский 1965; 1966а; 1966б). Впервые (по отношению к юбилею приходится очень часто употреблять это слово) им была отмечена роль кельтов в этом процессе и выявлены следы их физического присутствия в Северном Причерноморье (Мачинский 1973а). Подробнее обо всем этом см. статью М. Б. Щукина в этом сборнике.

Но уже и тогда, в 60-е годы, это была лишь часть научных интересов Д. А. Мачинского. Больше всего, пожалуй, его занимала острая проблема происхождения славян. И не случайно его первые экспедиции были экспедициями под руководством И. И. Ляпушкина. И зарубинецкая тематика в этом контексте не случайна — в те времена ее всегда рассматривали как часть славянской проблематики. При всей широте своих интересов, Д. А. Мачинский — в первую очередь славист.

А нужно сказать, что в те годы славянская проблематика зашла в тупик. Открытие достоверных раннеславянских памятников с их небольшими бедными поселениями и исключительно лепной примитивной посудой начисто подрывало гипотезы происхождения славян от носителей черняховской, пшеворской или зарубинецкой культур с прекрасной лощеной керамикой и обилием фибул, пряжек, гребней и т. д. Это чувствовали многие, в том числе и Д. А. Мачинский. Постзарубинецкие древности киевского типа еще не были по сути дела открыты; первые находки, еще не осмысленные, только начинали появляться. Более северные районы лесной зоны Восточной Европы выпадали из поля зрения археологов-славистов, поскольку это область балтской топонимики, хотя еще в 1972 г. Иохим Вернер призывал советских славистов преодолеть эти «чары балтийства». В этих условиях Д. А. Мачинский и сделал в 70-х годах попытку приблизиться к решению проблемы в серии докладов и статей. Он попытался по-новому взглянуть на данные письменных источников о славянах и венедах-венетах (Macinsky 1974; Мачинский 1976; Мачинский, Тиханова 1976).

Так, в отличие от устоявшейся точки зрения польских исследователей, он иначе трактовал данные Плиния о загадочном полуострове Энингия, где живут сарматы, венеды, скиры и гирры. Если у польских ученых получалось, что земля, лежавшая напротив полуострова кимвров (Ютландия) — это низовья Вислы, то Д. А. Мачинский указал на полуостров Курземе, где есть река Вента и еще в средневековье жили некие вентийцы. И достаточно беглого взгляда на карту Балтийского моря, чтобы убедиться в большей правоте Д. А. Мачинского.

Последователь Плиния Тацит имел какие-то более конкретные сведения о венетах, хотя тоже достаточно смутные. Польские археологи и историки относили их обычно к территории Польши. Но по Тациту «венеды ради грабежа избродили все леса и горы... между певкинами и феннами». Певкины-бастарны по Плинию обитали где-то в районе верхнего Поднестровья, и их Д. А. Мачинский отождествлял со своеобразными смешанными пшеворско-дакийскими памятниками типа могильников в Звенигороде. До отдаленной северной области обитания феннов остается обширная зона, охватывающая почти все лесные пространства Восточной Европы, где размещаются носители культуры штрихованной керамики, днепро-двинской, а в южной части ее выявляются памятники «киевского типа». Д. А. Мачинский не рискнул уточнить, какая из этих культур с большим основанием могла бы претендовать на принадлежность венетам, но сам подход к проблеме был принципиально новым.

Далее, рассматривая этнокарту Птолея, Д. А. Мачинский обращал внимание на этноним «ставаны». Они должны были размещаться в Полесье, где после 40—70-х гг. I в., когда прекратилась зарубинецкая культура, не выявлено пока никаких памятников вплоть до появления здесь в VI в., славянских древностей типа Корчак. На это «белое пятно», на зону «археологической трудноуловимости» и уповал Д. А. Мачинский, надеясь, что со временем здесь могут быть обнаружены и соответствующие ставанам древности II в. «Белое пятно» не ограничивается Полесьем. По сути дела, оно

охватывает более обширные пространства к востоку от Западного Буга, ту зону «обоюдного страха», отделяющую германцев от сарматов, на которую также указывал Тацит. Подобные «белые пятна» на карте, по мысли Д. А. Мачинского, могли быть и своеобразным археологическим отражением зон военной активности предков славян до их выхода в Подунавье. Тут мысль Д. А. Мачинского пересекается с соображениями К. Годловского, продемонстрировавшего такие зоны на конкретных материалах славянского расселения в Центральной Европе.

В этих же работах и в ряде последующих (Мачинский 1981а; Мачинский 1981б; Мачинский 1982) Д. А. Мачинский обращается к конкретным событиям VI—VII вв. на Дунае, к «дунайскому эпизоду» истории славянства. Лишь во время этого эпизода и после него, вынужденные отходить обратно под давлением «волохов», в которых он видел византийскую армию, славяне обретают, вероятно, свое этническое самосознание. Именно этот эпизод, овеянный героикой, объясняет популярность мотива Дуная в славянском фольклоре (Мачинский 1981а).

Вполне естественным для Д. А. Мачинского, одного из главных создателей «лесной гипотезы» славянского этногенеза, было обращение к последующим этапам начальной славянской истории в северной части восточнославянского ареала. Северная Русь, первичное ядро Новгородской (а в дальнейшем развитии также Псковской и Ростово-Суздальской) земли, зона этноязыкового контакта «словен ильменских» и «кривичей» (степень различного отношения обеих этих групп к «праславянскому» или «балтославянскому» истоку — предмет особых изысканий Д. А. Мачинского), с финнами и скандинавами, арена первого появления «руси» начальных летописных, и близких им по времени иноземных свидетельств (Славяне и скандинавы... 1986; Константин Багрянородный 1989; 25—55, 293—307), происхождение и природа самого первичного названия «русь» — этносоционима, становящегося названием государства — Русская земля, и страны — Русь, предмет последних по времени исследований, чрезвычайно

плодотворных и перспективных по результатам и постановке проблем работ, логично завершающих обширную панораму отечественной предыстории в трудах Д. А. Мачинского.

Пурификационно-синтезирующий подход к анализу и объединению археологических, письменных и прочих данных, развивающий в очерченной проблематике принципы И. И. Ляпушкина (Ляпушкин 1968: 5—27), позволил Д. А. Мачинскому убедительно обосновать тезис о времени появления словен в Приильменье (не позднее рубежа VII—VIII вв.), очертить первичную «племенную территорию» и при этом — конкретно сбалансировать возможное соотношение славянского, скандинавского и иных компонентов в «культуре сопок», наиболее репрезентативной для Новгородской земли середины VIII — начала XI вв. (Мачинский 1981б: 31—52; Мачинский 1982: 7—24; Мачинский 1984а: 5—25; Мачинский 1986: 3—29; Мачинский, Мачинская 1988: 44—58). Ранние сопки Нижнего Поволховья, прежде всего — Старой Ладogi, с осязательным доминированием скандинавской традиции, исследователь соотносит с начальными этапами становления восточноевропейской «руси» как особого, динамичного и сложного этносоциального организма, того «дружинно-торгового» слоя, где воинственная мобильность, тороватая активность, жажда «добычи и славы» объединяли скандинавских викингов и словенских «изгоев» (те и другие, по своему резко рвали с племенными порядками и родовыми гарантиями), порождая новую общность, в которой выходцы «от рода варяжска» клялись именами и силою славянских Перуна и Велеса. Территория, контакты, пути и центры этой «варяжской руси» в свете исследований Д. А. Мачинского выступают со все большей рельефностью и подробностью (Мачинский 1984а: 5—25; Мачинский 1986: 3—29; Мачинский 1984б: 160—163; Булкин, Мачинский 1985: 13—26).

В единое целое складываются блистательные этюды и наблюдения о структуре, функциях, топографии, семантике первичных «очагов руси», будь то дискутируемые со времен публикаций А. Я Гаркави «три центра Руси»

(включая таинственную «Арсу» — Ростов?), или Новгород с холмом Славно, Холопьем городком и Рюриковым городищем, или Изборск в соотношении со Псковом; однако особое и даже центральное место в ряду архаических «стольных городов» (протогородов) Северной Руси занимает Старая Ладога, в концептуальных разработках Д. А. Мачинского приобретающая все более характер общеевропейской доминанты для понимания процессов VIII—IX вв. (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986: 64—66; Давидан, Мачинская, Мачинский 1985: 57—58; Мачинский, Мачинская 1988: 44—57).

«Русь VIII века» — так следовало бы, вероятно, обозначить принципиально новую тему, сама возможность которой полностью основана на освоении археологических данных (дендрошкала Ладоги и связанные с ней комплексы), впервые в русской раннеисторической тематике превалирующих над письменными. «Долетописная Русь» — одно из несомненных открытий Д. А. Мачинского, и в Ладоге он видит столицу этой Руси (так как в 862—864 гг. Ладога выступает бесспорно столицей Руси Рюрика).

Динамика формирования этнокультурного состава населения Ладоги, особенно в 750—840 гг., и диапазон ее связей — от Фрисландии до Хазарии, прослеживание импульсов — от Беломорья до Подунавья, позволяет исследователю именно в Ладоге — Альдейгью скандинавских саг, видеть столицу «хакана росов», направившего в 838 г. послов («свеонов» — шведов) к византийскому, а затем и франкскому императорам (Мачинский 1982: 20—24; Мачинский 1986: 27—29; Мачинский, Мачинская 1988: 47—48). Если эта гипотеза получит дополнительные подтверждения, то именно Северная Русь может встать в ряд первых по времени образования раннесредневековых государств Европы, наряду с Франкской империей на западе и Хазарским каганатом на Востоке. Можно считать бесспорно установленным уже для второй половины VIII — первой трети IX вв. стабильный характер восточноевропейских коммуникаций Ладоги, использование развитой системы водных трасс (включая Дон, речные притоки Двинско-Днепровского

междуречья, системы Нерли-Клязьмы и др.), континентальный — притом, охватывающий огромные просторы славянского мира — размах связей. Социополитический организм с такими характеристиками мог располагать иерархией центров, и нельзя исключать, что «хакан русов» 830-х гг. — это, допустим, летописный Дир, связанный в таком случае с Киевом (Лебедев 1985: 196; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 189—190). Однако бесспорно, где бы ни искать столицу «дорюрикова каганата русов», это раннегосударственное образование воздействовало на всю Восточную Европу; каркас его выразительно очерчивают «ладожские связи», реконструированные в работах Д. А. Мачинского (Мачинский, Мачинская 1988: 53; рис. 2); неоспорима и решающая роль Ладоги, связанных с нею земель и этносов в становлении этой Начальной Руси.

Северная Русь в собственной структурной целостности, а не только как континентального масштаба феномен, выступила в исследованиях Д. А. Мачинского существенно новыми чертами. Наряду с проблематикой словен, варягов, руси в последние годы решена проблема еще одного «этносоционима». Загадочные «колбяги» Русской Правды, византийских, арабских, скандинавских источников, как убедительно доказал Д. А. Мачинский, вероятнее всего — скандо-финское население, соотносимое с приладожской курганной культурой XI—XII вв. Эта идентификация — одна из ряда дешифровок северо-русской этногеографии, исторической географии Северной Руси, где помимо «Кюльфин-герланда» соотнесен с археологической реальностью соперник Ладоги-Альдейгьюборга, исчезнувший Алаборг (городище на р. Сясь, центральное в южном Приладожье?), расшифрован ряд навигационных ориентиров и трасс походов легендарных викингов — героев «саг о древних временах», пролагавших с незапамятной поры «долетописной Руси» и вплоть до ладожского наместника Улеба, родича Ирины-Ингегерд, жены Ярослава Мудрого, пути из Ладоги — в Бьярмию, к «Железным воротам» ледовитых морей, варяжских и ладожско-новгородских первопроходцев Русского Севера

(Мачинский 1988а: 90—103; Мачинский 1989б: 46—49; Джаксон, Мачинский 1989: 18—21; Джаксон, Мачинский 1985: 24).

Синтез саг, летописей, археологи, топонимики в этой серии работ Д. А. Мачинского — свидетельство высокого и динамично нарастающего, словно бы прямо пропорционально реализации, творческого потенциала ученого, историка и археолога, дерзновенного первопроходца и отважного бойца на непроторенных путях, а порою и в темных лабиринтах исторической проблематики. Словно (и действительно так) в жилах самого исследователя бродит пронесенная чередой поколений дерзновенная кровинка заморского викинга, одного из тех «варягов, дедов лихих», во славу которых поднимает в замечательной балладе графа А. К. Толстого заздравную чашу князь Владимир. И вполне уместно, завершая этот очерк повторить его слова — «Жива наша русская Русь!», до той поры, пока бродит в ней эта варяжская струя, пока будит она мысль и вдохновение Д. А. Мачинского, его единомышленников и последователей, и восстанавливает для непредвзятого читателя, озаренные светом исторической истины, почти неуловимые, но достоверные образы этой исчезнувшей и бессмертной Руси.

В кратком очерке, который открывает данный сборник, к сожалению, нет возможности даже бегло перечислить многие другие грани таланта юбиляра. Оставляя в стороне литературные, поэтические и риторические его дарования, мы в заключении все же считаем необходимым сказать еще об одном из них. В своей творческой деятельности Д. А. Мачинский не только генерирует научные идеи, гипотезы и наблюдения. Он, в большей степени, является их дарителем, проводником в жизнь через своих друзей, всех тех, кто откровенно общается с ним. И если можно говорить о феноменальности Д. А. Мачинского, о загадке магнетизма его личности, притягательности его научных, литературных и публицистических трудов, то в основе всего этого, безусловно, кроется огромная человеческая и научная щедрость Д. А. Мачинского, его сердечное отношение к людям и его искреннее стремление Творить Добро.

В. Ю. Зуев, М. Б. Щукин, Г. С. Лебедева

Список литературы

Булкин В. А., Мачинский Д. А. 1985. Русь конца VIII — начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях. // Финно-угры и славяне. Сыктывкар.

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Зуев В. Ю. 1991. Всесоюзный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный памяти академика М. И. Ростовцева. // СА-1

Граков Б. Н. 1947 ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов). // ВДИ-3.

Грязнов М. П. 1980. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.

Давидан О. И., Мачинская А. Д., Мачинский Д. А. 1985. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII—X вв. (по данным летописей и археологии). // Проблемы этнической истории балтов. Рига.

Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. 1988. Связи Северной Руси и Беломорья в IX—XIII вв. // Внешняя политика Древней Руси. Тез. докл. М.

Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. 1989. Юго-восточное Приладожье в «Саге о Хальвдане, сыне Эйнштейна». // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Ельницкий Л. А. 1978. Скифия евразийских степей. Новосибирск.

Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.

Кухаренко Ю. В. 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. // СА-1.

Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.

Ляпушкин И. И. 1963. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА — 152. Л.

Мачинский Д. А. 1965. О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур. // Тезисы докл. сов. делегации на 1 Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.

Мачинский Д. А. 1966а. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. // Археология Старого и Нового Света. М.

Мачинский Д. А. 1966б. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. // КСИА — 107, М.

Мачинский Д. А. 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. // АСГЭ — 13, Л.

Мачинский Д. А. 1973а. Кельты на землях к востоку от Карпат. // АСГЭ — 15, Л.

Мачинский Д. А. 1973б. О смысле изображений на некоторых произведениях греко-скифской торевтики и о значении их для понимания истории Скифии IV—III вв. до н. э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Кр. тез. докл. Л.

Мачинский Д. А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I—IV вв. // АСГЭ 17, Л.

Мачинский Д. А. 1978а. О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре. // Проблемы археологии. 2, Л.

Мачинский Д. А. 1978б. Пектораль из Толстой могилы и великие женские божества Скифии. // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Л.

Мачинский Д. А. 1981а. «Дунай» русского фольклора на фоне восточно-славянской истории и мифологии. // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л.

Мачинский Д. А. 1981б. Миграция славян в I тыс. н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.

Мачинский Д. А. 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Мачинский Д. А. 1984а. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Мачинский Д. А. 1984б. Рец. на кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л. 1982 // СЭ — 6.

Мачинский Д. А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси. // Русский Север. Л.

Мачинский Д. А. 1988а. Колбязги «Русской Правды» и приладожская курганная культура. // Тихвинский сборник. I. Археология Тихвинского края. Тихвин.

Мачинский Д. А. 1988б. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства. // АСГЭ 29, Л.

Мачинский Д. А. 1989а. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII—V вв. до н. э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Новочеркасск.

Мачинский Д. А. 1989б. О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси. // Новгород и Новгородская земля. Новгород.

Мачинский Д. А. 1989в. Скифия и Боспор. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск.

Мачинский Д. А. 1990. «Восстанови Разрушенный храм...» (Вступление к лекции «Развитие русского самосознания и этнические взаимодействия на

берегах Волхова и Невы за последние 1200 лет»). // По страницам самиздата. М. Молодая гвардия.

Мачинский Д. А., Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1986. Ранние скандинавославянские контакты по материалам Ладоги VIII—X вв. // Тез. докл. X Всесоюзн. конф. скандинавистов. М.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. 1988. Северная Русь: Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л.

Мачинский Д. А., Тиханова М. А. 1976. О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам). // Acta archaeologica Carpathica. Т. 16.

Очир-Горяева М. А. 1988. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI—IV вв. до н. э. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук, Л.

Очир-Горяева М. А. 1989. Савроматы и Савроматская культура. // Скифия и Боспор. Тез. докл. Новочеркасск.

Очир-Горяева М. А. 1992. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии. // РА — 2.

Славяне и скандинавы. 1986. М.

Смирнов К. Ф. 1964 Савроматы. М.

Смирнов К. Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М.

Тереножкин А. И. 1976. Киммерийцы. К.

Macinsky. 1974. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slaven und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen. // Ethnologia Slavica. Т. 6, Bratislava.

Список работ

Дмитрия Алексеевича Мачинского *

* Составлен Л. М. Всевиовым.

1963

1. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур. // КСИА 1963. № 94. С. 20—28 с илл.

2. Рец.: Славянские древности. АСГЭ. Вып. 4. Л. 1962. // СА. 1963. № 3. С. 284—290 (совместно с Г. Ф. Корзухиной, О. В. Овсянниковым, М. А. Тихановой).

1965

3. Археологические памятники у с. Круглик и проблемы зарубинецкой культуры. // Тезі Подільської іст.-краєзнав. конф. Хмельницький. 1965. С. 71—72.

4. О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур (к вопросу о славянах на рубеже н. э.). // Тез. докл. сов. делегации на 1 Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965. С. 10—13.

1966

5. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 82—96.

6. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. // КСИА 1966. № 107. С. 3—8.

1969

7. О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур: к вопросу о славянах на рубеже н. э. // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław (i.i.). 1969. Т. 2. С. 277—282.

1971

8. Иван Иванович Ляпушкин (Некролог. 1902—1968). // КСИА. 1971. № 125. С. 3—6. Портрет (Совм. с М. И. Артамоновым и Г. Ф. Корзухиной).

9. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30—54: карт. Рез. англ.

1973

10. Кельты на землях к востоку от Карпат. // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 52—64: илл. карт. Рез. англ.

11. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов. // КСИА 1973. № 133. С. 3—9: илл. карт.

12. О смысле изображений на некоторых произведениях греко-скифской торевтики и о значении их для понимания истории Скифии IV—III вв. до н. э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. КТД НК. Л., 1973. С. 25—26.

13. Славяне на территории Белоруссии в I в. до н. э. — VII в. н. э. // Этногенез белоруссов. КТД НК. Минск. 1973. С. 56—60.

1974

14. Кельты на землях к востоку от Карпат. // Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 31—41: Рез. англ.

15. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122—132: карт. Рез. англ.

16. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen. // Ethnologia Slavica (Bratislava). 1974. Т. 6. С. 51—70. Рез. рус.

1976

17. К вопросу о территории обитания славян I—IV вв. // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 82—100: карт. Рез. англ.

18. О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв. н. э.: по письменным и археологическим источникам. // Acta Archaeologica Carpatica. 1976. Т. 16. С. 59—94. Рез. нем. и польск. (Совм. с М. А. Тихановой.)

19. Рец.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. АН БССР. ИА Т. 1—3. Минск 1971—1974. // СА. 1976. № 4. С. 241—253. (Совм. с К. В. Каспаровой и М. Б. Щукиным.)

1978

20. О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре. // Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. С. 232—240.: илл.

21. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131—150: илл. Рез. англ.

1981

22. «Дунай» русского фольклора на фоне восточно-славянской истории и мифологии. // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л. 1981. С. 110—171.

23. Миграция славян в I тыс. н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии). // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52.

1982

24. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 7—24.

25. Рец.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. // СА. 1982. № 2. С. 277—291. (Совм. с И. П. Шаскольским.)

1984

26. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 5—25.

27. Рец.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. // СЭ. 1984. № 6. С. 160—163.

1985

28. Переяславль Южный и Переяславль Залесский. // ТД сов. делегации на 5-м МКСА. М., 1985. С. 134—135.

29. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов. // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 3—23.

30. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII—IX вв. (по данным летописей и археологии). // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 57—58. (Совм. с О. И. Давидан и А. Д. Мачинской.)

31. Балтские истоки древнерусской сакральной пары Перун — Велес / Волос (по данным языкознания, истории, археологии). // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 186—188. (Совм. с Ю.-С. Лаучюте).

1986

32. Возникновение Древней Руси в контексте Средиземноморья: VIII в. до н. э. — XI в. н. э. Основные контуры концепции. // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тез. и предв. мат-лы к симпозиуму. М., 1986. С. 120—122.

33. Задачи углубленных занятий со студенческой молодежью на материалах первобытной и древнерусской экспозиций Гос. Эрмитажа (от Скифии до Древней Руси). // Роль худож. музеев в эстетическом воспитании молодежи... Л., 1986. С. 284—294.

34. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII—X вв. // КТД НК Скандинавистика 10. М., 1986. Ч. 1. С. 164—166. (Совм. с С. Л. Кузьминым и А. Д. Мачинской).

35. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности. // Русский Север. Л., 1986. С. 3—29: карт.

36. Русь конца VIII — начала X в. на балто-волжских и балто-донских путях. // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986. С. 13—26. (Совм. с В. А. Булкиным.)

1988

37. Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура. // Тихвинский сборник. 1988. Вып. 1. С. 90—103.

38. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства. // АСГЭ. Вып. 29. 1988. С. 117—128: карт. Рез. англ.
39. О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Тез. науч.-практ. конф. Новгород, 1988. С. 46—49.
40. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44—58: илл. карт. (Совм. с А. Д. Мачинской.)
41. Чорна могила — поховання воїводи Претича. // Тез. докл. 2-й Черніг. конф. Чернігів. Ніжин. 1988. Ч. 2. С. 15—17.
42. Связи Северной Руси и Беломорья в IX—XIII вв. // Внешняя политика Древней Руси. Тез. докл. М., 1988. С. 24—29. (Совм. с Т. Н. Джаксон.)
1989
43. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII—V вв. до н. э. // Кочевники евразийских степей и античный мир: проблемы контактов. Новочеркасск. 1989. С. 7—30.
44. Скифия и Боспор. // Скифия и Боспор: Археологич. материалы к конференции памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 5—10.
45. Изображения оленя из алтайских и кубанских курганов как воплощение основной мифологемы Скифии. // Исследования, поиски, открытия: КТД НК к 255-летию Эрмитажа. Л., 1989. С. 23—24.
46. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. — XI в. н. э. (контуры концепции). // Славяне: Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 120—130.
47. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX—XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. (Историография и источниковедение.) Петрозаводск, 1989. С. 128—145. (Совм. с Т. Н. Джаксон.)

48. Юго-восточное Приладожье в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна» // Археология и история Пскова и псковской земли. КТД НК. Псков, 1989. С. 83—85. (Совм. с Т. Н. Джаксон.)

1990

49. О роли финно-язычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь»: VIII—XI вв. // Современное финноугроведение: опыт и проблемы. Л., 1990. С. 110—120.

50. «Восстанови разрушенный храм...» (Вступление к лекции «Развитие русского самосознания и этнические взаимодействия на берегах Волхова и Невы за последние 1200 лет»). — Первая публикация: Вестник совета ЭК. 1988. № 11. // По страницам самиздата. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 176—178.

1992

51. Древо России // Юность, 1992. № 3. С. 66—70.

1993

52. Скифия и Боспор. От Аристеев до Волошина. (Развернутые тезисы концепции) // Скифия и Боспор. Сборник статей по материалам конференции в честь академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 6—27.

В печати

53. Древо России. СПб.: Искусство.